

Староста одной фразой попал в самую точку. Чэн Минь поджал губы и промолчал. Судя по тому, как рьяно старик оберегал покой храма горного бога, улизнуть незамеченными им теперь вряд ли удастся.

— Да бросьте вы, дядя, — видя, что обстановка накаляется, Юй Фансюй поспешил вмешаться, нацепив на лицо самую добродушную улыбку. — Вы шутите, что ли? Мы же дорог не знаем. Как мы до храма-то доберемся, если только вы сами нас не...

— И не надейся! — Староста резко оборвал его. Староста помрачнел, и в его взгляде промелькнуло суровое предостережение. — Вы, молодежь, совсем не понимаете, что значит «не слушаться старших». Потом локти кусать будете. Я не могу залезть к вам в головы и вытравить дурные мысли, но даже не пытайтесь выведать у меня хоть что-то!

— Дядя, вы нас действительно не так поняли! — продолжал отпираться Юй Фансюй. — Мы и правда решили просто размяться. Гляньте сами: мой младший брат вон как отъелся на местных харчах.

Юй Фансюй бесцеремонно ущипнул Чэн Миня за бок, и тот, подыгрывая, возмущенно оттолкнул его руку:

— Кто отъелся?! Ты на себя посмотри, братец!

Староста понаблюдав за шутилкой перепалкой братьев и повернулся к Цинь Яо.

— Дядя, вы правда ошибаетесь... — Цинь Яо соорудил обиженную мину, словно его несправедливо отчитал родной дед. Он демонстративно похлопал себя по животу. — Посмотрите на меня! Я же округлился весь, одежда скоро лопнет.

Старик окинул Цинь Яо оценивающим взглядом. «И впрямь, вроде как поправился», — подумал он. Видя, что все трое (кроме молчаливого Чжан Цзымана) выглядят искренне задетыми его подозрениями, староста сменил гнев на милость.

— Ну ладно, ладно. Поверю вам на этот раз. Но предупреждаю: забудьте дорогу к храму! Вы еще не знаете, верно? Сяо Цзян, тот, что в очках, вчера вечером ушел и до сих пор не вернулся.

— Сяо Цзян? — переспросил Цинь Яо.

— Ну да, очкарик этот. — Староста недоуменно посмотрел на них. — Вы разве не знакомы?

Четверка переглянулась. Цинь Яо тут же начал расспрашивать:

— Дядя, расскажите подробнее. Что произошло?

— Да что тут рассказывать! — Староста досадливо махнул рукой. — Вчера днем, как сходил я в храм благовония зажечь, возвращаюсь и вижу: он, подлец, за стогом сена прячется, высматривает что-то. Я его окликнул, хотел за шиворот поймать да домой притащить, а он, шельма, шустрый оказался — припустил так, что и след простыл. Я-то думал, он трус по жизни, далеко не уйдет, к вечеру сам прибежит. А он даже в комнате своей утром не объявлялся.

Староста вздохнул, глядя на озадаченных Странников.

— Жалко парня, — пробормотал он. Затем легонько щелкнул Цинь Яо по носу и добавил: — А ты будь паинькой, понял? Иначе я спуску не дам!

Дождавшись покорного кивка Цинь Яо, довольный староста не стал больше задерживаться. Он подхватил тушку дикого кролика и зашагал по пыльной тропе обратно в деревню. Отойдя на приличное расстояние, он обернулся и крикнул:

— К обеду возвращайтесь, кролика зажарим!

***

Когда старик скрылся из виду, Странники медленно побрели вперед. Если староста не врал, то, судя по времени, Сяо Цзян смылся почти сразу после того, как они вчера с ним расстались. Тот «смертельный испуг», который он демонстрировал, явно был лишь прикрытием.

— Наверняка он отдал нам не всё, — нарушил тишину Чэн Минь.

Чжан Цзыман молча кивнул. Очкарик явно приберег какой-то козырь, опасаясь, что они вернутся и прикончат его. Именно поэтому он так спешил исчезнуть.

— Надо было вчера из него всё вытрясти! — Цинь Яо досадливо махнул кулаком в воздухе. — Нельзя было ему верить. Или вообще... надо было его оглушить и обыскать.

Несмотря на серьезность ситуации, Чэн Минь заметил, что Цинь Яо старательно избегает Чжан Цзымана. Даже сейчас он осекся на полуслове, явно не желая произносить вслух: «Надо было попросить Чжан Цзымана его вырубить».

— Кого попросить? — Чжан Цзыман поравнялся с Цинь Яо и заглянул ему в лицо.

— Тебя, — буркнул тот, старательно отводя взгляд.

— А кто я? — Чжан Цзыман указал на себя. — Ты ведь знаешь мое имя.

— Чжан Цзыман, ты издеваешься?! — вспыхнул Цинь Яо, едва не переходя на крик.

Тот посмотрел на взвинченного парня и спокойно произнес:

— Когда всё закончится, я найду тебя в «Инь-Ян Юй».

Не дожидаясь ответа, Чжан Цзыман зашагал вперед, и полы его светло-голубого одеяния плавно взметнулись на ходу. Цинь Яо, одетый в такой же наряд, обиженно уставился ему в спину.

— У него что, в голове совсем пусто? — прошипел он Чэн Миню.

— Возможно, не у него одного, — вкрадчиво заметил Чэн Минь.

Чжан Цзыман вел себя более чем красноречиво — разве что плакат с признанием в любви еще не развернул. А Цинь Яо всё продолжал гадать, нравится он ему или нет.

Юй Фансюй, шагавший рядом, задумчиво потер подбородок:

— А мне кажется, брат Чжан молодец. С тобой он ведет себя куда теплее, чем с остальными. Не заметил? С тех пор как вы познакомились, он улыбался чаще, чем за всё время до этого.

Юй Фансюй искренне хотел помочь, но для Цинь Яо, который и так чувствовал себя не в своей тарелке, эти слова прозвучали как издевка. Вернее, он так отчаянно пытался убежать от очевидного, что любая попытка открыть ему глаза вызывала лишь протест.

— Чэн Минь, ты был прав! — Цинь Яо хлопнул друга по плечу и недобро покосился на Юй Фансюя. — Тут действительно не у одного Чжан Цзымана в голове опилки.

Чэн Минь лишь вздохнул. Юй Фансюй развел руками.

***

Чжан Цзыман уверенно вел их вперед, сверяясь с клочком бумаги. Стоило им углубиться в лес, как гнетущая атмосфера заброшенной деревни отступила. Здесь всё было иначе: воздух стал влажным и тяжелым, вокруг зашелестела густая листва исполинских деревьев. Узкая тропа, веками вытаптываемая поколениями жителей Деревни древних призраков, пахла сырой землей и хвоей.

— Брат Чжан, что там на карте? — спросил Чэн Минь, стараясь запомнить приметные ориентиры по пути.

— Это действительно карта задней части горы. Но на ней указан только этот путь, никаких других пометок нет.

Юй Фансюй заглянул в чертеж и быстро сориентировался. Они уже почти добрались до середины склона. Карта была нарисована грубо, но основные детали — выступы скал и изгибы троп — вполне соответствовали реальности.

Цинь Яо сделал было пару шагов к ним, но, вспомнив утренний инцидент, замер на месте. Чжан Цзыман тяжело вздохнул. Он передал карту Юй Фансюю и подошел к Цинь Яо. В его голосе прозвучало непривычное, почти жалобное:

— Прости.

Цинь Яо мгновенно покраснел. Он застыл как вкопанный, боясь даже пошевелиться. Чэн Минь и Юй Фансюй тактично отошли в сторону, делая вид, что изучают кусты на опушке.

— За... за что? — выдавил Цинь Яо, носком сапога ковыряя камешек.

— В следующий раз не буду так напирать, — серьезно пообещал Чжан Цзыман.

От этих слов у Цинь Яо едва не задымился мозг.

— Замолчи! — Он покраснел до корней волос. Он выставил перед собой ладонь, защищаясь от невидимой угрозы. — И не подходи так близко!

Чжан Цзыман послушно отступил на два шага. На его обычно холодном и красивом лице отразилась такая неприкрытая усталость и едва уловимая печаль, что он стал казаться почти беззащитным.

— Хорошо, — ответил он.

Глядя на него такого, Цинь Яо почувствовал, как сердце предательски екнуло. Ему захотелось сказать, что он не злится, но он вовремя прикусил язык. «Нельзя. Мы не можем быть вместе. Нужно провести черту сейчас, пока не поздно».

Напряжение между ними стало почти осязаемым, и голос Юй Фансюя, раздавшийся из чаши, прозвучал для Цинь Яо как спасение.

— Эй, идите сюда! Тут что-то странное.

Юй Фансуй стоял у самого края густых зарослей, а Чэн Минь пробирался сквозь кустарник. Судя по их лицам, находка была стоящей.

— Есть зацепка, идем, — бросил Цинь Яо. Он мгновенно вернулся к привычному беззаботному образу, но подходить к Чжан Цзыману или касаться его больше не решался.

Оставшись позади, Чжан Цзыман выглядел совсем понурым. Юй Фансуй, чувствовавший свою вину — ведь это он подсказал «стратегию» сближения, — решил объясниться.

— Брат Чжан...

— Не стоит, — Чжан Цзыман прикрыл глаза и выдохнул. — Я сам виноват, слишком торопил события. Твоей вины здесь нет.

— На самом деле ты ему нравишься, — Юй Фансуй неловко поскреб затылок. — Я не пытаюсь тебя утешить. Мы с Чэн Минем знаем его сто лет, он нам как брат.

Чжан Цзыман посмотрел на него с надеждой.

— Поверь, если бы ты был ему безразличен, он бы просто проигнорировал всё это. Цинь Яо всегда жалуется, что девушки его не любят, но это же чушь. Он — председатель гильдии «Инь-Ян Юй», за это место многие готовы душу продать.

Видя, что Чжан Цзыман внимает каждому слову, Юй Фансуй решил дожать ситуацию — не хватало еще, чтобы из-за его совета разрушилась пара. Разрушить чужой брак — грех великий, а он и так уже «насоветовал» на целую пагоду проклятий.

— Если человек ему не мил, как бы тот ни лез из кожи вон, Цинь Яо просто переведет всё в шутку. Его мозг так работает — он превращает неудобное признание в анекдот, чтобы потом при встрече не было неловко. А с тобой он ведет себя иначе.

— Понимаю, — кивнул Чжан Цзыман. — И что мне теперь делать? Сказать ему всё прямо?

— Можно попробовать зайти издали, но помягче, чем сегодня. Я не учел, что у него в амурных делах опыта — ноль, вот он и запаниковал от прямого напора. Он не умеет говорить о чувствах, он привык действовать. Вот когда он перестанет от тебя шархатиться и сам захочет подойти — значит, лед тронулся.

***

Тем временем на другой стороне поляны Чэн Минь подвел Цинь Яо к дереву.

— Спасибо, что вытащили меня оттуда, — буркнул Цинь Яо, продолжая пинать корягу.

— Не за что. Но здесь и правда кое-что есть. Смотри.

Дерево, на которое указывал Чэн Минь, было не самым высоким, но ствол его оказался настолько толстым, что вдвоем не обхватишь. Станным было другое: посреди сочного, зеленого леса этот великан стоял, словно изъеденный болезнью. Листья его пожелтели и иссохли, а кора облезла огромными пластами.

Земля вокруг была усыпана мертвыми ветвями. Цинь Яо осторожно наступил на одну из них, и та с сухим треском рассыпалась под подошвой.

— Почему оно такое... как уголь? — Цинь Яо присел на корточки и подобрал обломок. Древесина оказалась иссиня-черной. Стоило чуть сжать пальцы, и ветка раскрошилась в труху, испачкав кожу серой пылью.

— Дальше в лесу должно быть еще что-то подобное, — Цинь Яо нахмурился, вглядываясь в чащу. — Такое чувство, будто это дерево сожгли заживо. Оно слишком хрупкое.

Чэн Минь невольно вспомнил погибшую Лу Чжао. Ее тело тоже было обугленным. Неужели причина одна и та же?

— Ну что тут у вас? — подошел Юй Фансюй. — Понятно, почему оно так выглядит?

— Цинь Яо говорит, зацепок мало, — покачал головой Чэн Минь.

Чжан Цзыман, подошедший следом, внезапно произнес:

— Тот даос говорил, что вода — величайшее табу. В системе пяти стихий вода гасит огонь. Может быть, «Горный бог» сам связан с пламенем?

Странники одновременно посмотрели на вершину горы. Отсюда храм казался куда внушительнее, чем из деревни, но они всё еще видели лишь малую его часть. Всё самое важное скрывалось за гребнем хребта.

Юй Фансюй взглянул на небо. Солнце поднялось высоко, над деревней уже вился дымок из печей, жизнь там шла своим чередом.

— Время еще есть, идем дальше, — скомандовал он. — Не может быть, чтобы это дерево было

единственным. Найдем систему — поймем, с чем имеем дело.

<http://bllate.org/book/17517/1657777>